

ISSN 2077-8333 (print)
ISSN 2311-4088 (online)

ЭПИЛЕПСИЯ и пароксизмальные состояния

2023 Том 15 №2

EPILEPSY AND PAROXYSMAL CONDITIONS

2023 Vol. 15 №2

<https://epilepsia.su>

Данная интернет-версия статьи была скачана с сайта epilepsia.su. Не предназначено для использования в коммерческих целях.
Информацию о репринтах можно получить в редакции. Тел.: +7 (495) 649-54-95; эл. почта: info@irbis-1.ru.

Эпилепсия в литературе

А.Ю. Улитин^{1,2}, А.В. Василенко^{1,2}, А.В. Иваненко¹, С.С. Колосов¹,
И.А. Соколов¹, С.А. Туранов¹, Г.А. Улитин³, А.А. Виноградова⁴

¹ Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ул. Аккуратова, д. 2, Санкт-Петербург 197341, Россия)

² ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ул. Кирочная, д. 41, Санкт-Петербург 191015, Россия)

³ Федеральное государственное бюджетное военное образовательное учреждение высшего образования «Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова» Министерства обороны Российской Федерации (ул. Академика Лебедева, д. 6, Санкт-Петербург 194044, Россия)

⁴ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург 199034, Россия)

Для контактов: Анна Владимировна Василенко, e-mail: vasilenko_anna@list.ru

РЕЗЮМЕ

Статья является уникальным трудом авторского коллектива врачей с разным медицинским опытом (практикующие доктора, ординаторы и студенты), которые со своих разнообразных позиций подошли к общему пониманию и начали смотреть на эпилепсию не только как на тяжелое, хроническое и широко распространенное заболевание головного мозга, но и как на часть человеческой культуры, нашедшую отражение во многих литературных произведениях. Наша исследовательская работа посвящена поиску и анализу источников, в которых описано течение эпилепсии, влияние заболевания на жизнь знаменитых людей и его роль в обществе. Литературные образы, созданные в разные века и эпохи писателями, непосредственно страдавшими эпилепсией (Ф.М. Достоевский, Эдгар По, Уилки Коллинз и многие другие), оказывались настолько красочными и убедительными, что подчас предвосхищали появление первых описаний в профессиональной медицинской литературе и даже ложились в их основу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Эпилепсия, судорожные приступы, психические заболевания, писатели.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Поступила: 19.05.2023. В доработанном виде: 06.06.2023. Принята к печати: 08.06.2023. Опубликовано онлайн: 15.06.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии необходимости раскрытия конфликта интересов в отношении данной публикации.

Вклад авторов

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования

Улитин А.Ю., Василенко А.В., Иваненко А.В., Колосов С.С., Соколов И.А., Туранов С.А., Улитин Г.А., Виноградова А.А. Эпилепсия в литературе. *Эпилепсия и пароксизмальные состояния*. 2023; 15 (2): 193–201. <https://doi.org/10.17749/2077-8333/epi.par.con.2023.158>.

Epilepsy in literature

A.Yu. Ulitin^{1,2}, A.V. Vasilenko^{1,2}, A.V. Ivanenko¹, S.S. Kolosov¹, I.A. Sokolov¹, S.A. Turanov¹, G.A. Ulitin³, A.A. Vinogradova⁴

- ¹ Almazov National Medical Research Center (2 Akkuratov Str., Saint Petersburg 197341, Russia)
² Mechnikov North-Western State Medical University (41 Kirochnaya Str., Saint Petersburg 191015, Russia)
³ Kirov Military Medical Academy (6 Academician Lebedev Str., Saint Petersburg 194044, Russia)
⁴ Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia)

Corresponding author: Anna V. Vasilenko, e-mail: vasilenko_anna@list.ru

SUMMARY

This paper represents a unique study carried out by a team of physicians having diverse medical experience (practitioners, residents, students), who relying on own viewpoints positions came to a common understanding and began to consider epilepsy not only as a severe, chronic, and widespread brain disease, but also as a part of human culture reflected in many literary works. Our study was aimed at searching and analyzing available sources that describe a course of epilepsy and its impact on life of famous people as well as its role in society. Literary images created in diverse centuries and eras by writers who personally suffered from epilepsy (F.M. Dostoevsky, Edgar Allan Poe, Wilkie Collins, and many others) turned out to be so colorful and convincing that they sometimes anticipated appearance of the first descriptions in professional medical literature, and even lay down in their basis.

KEYWORDS

Epilepsy, seizures, mental illness, writers.

ARTICLE INFORMATION

Received: 19.05.2023. **Revision received:** 06.06.2023. **Accepted:** 08.06.2023. **Published online:** 15.06.2023.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interest regarding this publication.

Authors' contribution

All authors contributed equally to this article.

For citation

Ulitin A.Yu., Vasilenko A.V., Ivanenko A.V., Kolosov S.S., Sokolov I.A., Turanov S.A., Ulitin G.A., Vinogradova A.A. Epilepsy in literature. *Epilepsia i paroksizmal'nye sostoania / Epilepsy and Paroxysmal Conditions*. 2023; 15 (2): 193–201 (in Russ.). <https://doi.org/10.17749/2077-8333/epi.par.con.2023.158>.

Если литература не отражает жизнь – это не литература.

Оноре де Бальзак

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Было бы странно, если бы одна из самых известных человечеству болезней не нашла отражения в литературном творчестве многих известных писателей. Вы скажем предположение, что именно литераторы (особенно те, кто сам страдал эпилепсией, – а таких немало) внесли весьма значительный, и уж точно особый вклад в описание эпилептических приступов и предшествующей им ауры.

Данный историко-литературный обзор призван пролить свет на понимание эпилепсии как болезни в произведениях людей, непосредственно страдавших данным заболеванием. Ведь именно писатели раскрывают нам образ мышления своих современников и отражают эпоху. От понимания природы заболевания зависит и подход к его лечению, и во многом даже само отношение к таким больным в обществе. Непознанное и необъяснимое окружающим кажется страшным, пугающим и отталкивающим, а то, что можно понять и объяснить, – это лишь болезнь, пусть и тяжелая, пусть и социально значимая, пусть и подчас инвалидизирующая, но всего

лишь болезнь, как и многие другие, имеющая свои шифры в рубриках Международной классификации болезней 10-го пересмотра.

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы проанализировать литературные произведения, их героев, страдавших эпилепсией, и выяснить, как видели данное заболевание современники Шекспира, Дюма, Эдгара По, Уилки Коллинза и др. На наш взгляд, без знания того, какие представления об эпилепсии бытовали в разные эпохи (как в социальном, так и в медицинском аспекте), невозможно сформировать целостный подход к болезни в настоящем.

ОПИСАНИЯ ЭПИЛЕПСИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ / DESCRIPTIONS OF EPILEPSY IN WESTERN EUROPEAN, AMERICAN AND RUSSIAN LITERATURE

В «Короле Лире» Уильяма Шекспира Кент прокликает Освальда словами «...чума на вашем эпилептическом лице...» (акт II, сцена 2) (впрочем, есть мнение, что термин этот относился к следам сифилиса или оспы на лице) [1]. Считается, кстати, что именно Шекспир внес

в английский язык слово «эпилептик» (всего он обогатил родной язык более чем на 2000 (!) слов) [2–3].

Примечательно, что большинство писателей были хорошо знакомы с клиническими проявлениями и особенностями течения эпилепсии. Гениальный Александр Дюма довольно точно описал развернутый генерализованный припадок у аббата Фариа в романе «Граф Монте-Кристо»: «...припадок начался с такой быстротой и силой, что несчастный узник не успел даже кончить начатого слова. Тень промелькнула на его челе, быстрая и мрачная как морская буря; глаза раскрылись, рот искривился, щеки побагровели; он бился, рычал, на губах выступила пена... так продолжалось два часа. Наконец, бесчувственный как камень, холодный и бледный как мрамор, беспомощный как растоптанная былинка, он забился в последних судорогах, потом вытянулся в постели и остался недвижим». Ниже Дюма описал и клинику постприпадочного паралича: «Последний раз припадок продолжался полчаса, после чего мне захотелось есть, и я встал без посторонней помощи, а сегодня я не могу пошевелить ни правой рукой, ни правой ногой», – говорил Фариа [4].

В «Мнимом покойнике» Эдгар По так описывает начало припадка: «...началась тошнота, меня охватило онемение в руках и ногах и во всех частях туловища, меня охватила дрожь, затем началось головокружение, и вдруг я падаю, как сноп... после чего наступало состояние полной бессознательности...» А перед припадком нередко отмечались экзотические переживания ауры: «...начинает как бы чувствовать необычайные тайны существования; вдруг ему освещаются молниеносно самые недоступные области, куда еще человеческая мысль не проникала ... вливается чувство, что он все это уже давно пережил и что он чувствует связь с прошлыми тысячелетиями...» [5].

В романе «Бедная мисс Финч» Уилки Коллинза особую роль играет эпилепсия одного из героев этого литературного произведения, молодого человека по имени Оскар, жениха слепой Луциллы. Его болезнь – результат травмы головы во время несчастного случая. Героиня романа так рассказывает о первом эпилептическом приступе Оскара: «...в этот момент с Оскаром произошли ужасные изменения. Его лицо приобрело дьявольское выражение, глаза закатились кверху так, что видны были только одни белки, его тело согнулось к низу, как будто гигантская рука придавила его и пыталась его выжать, как мокрую тряпку. Через секунду он валялся на полу в судорогах, которые не прекращались. «Боже мой, что это такое!» – закричала она. Но врач ничего не ответил. Он был занят тем, что распускаял галстук на шее Оскара, раздвигал в стороны мебель, о которую неистово ударялся в судорогах Оскар» [6].

Четыре английских автора двух последовательных эпох представили совершенно разные картины болезни. Для Эдгара По точкой фокуса являются не сами припадки, а мотив медленного физического и умственного угасания. Альфред Теннисон изображает субъективное восприятие припадков и состояние дереализации. Джордж Элиот (псевдоним Мэри Энн Эванс) приводит

симптомы полусознательного состояния (транса). А вот Уилки Коллинз дает фактически клиническое описание случая посттравматической эпилепсии с фокальными и генерализованными припадками.

В 2000 г. в одной из своих публикаций Питер Вольф проанализировал изображение героев англо-американской литературы, страдающих эпилепсией или каталепсией, в т.ч. и из упомянутых выше произведений, и обратил внимание на отсутствие негативного отношения к больным как окружающих, так и самих авторов – скорее они вызывают сочувствие (впрочем, это замечание справедливо и в отношении русских писателей к своим героям-эпилептикам). Он же отметил, что во многих литературных произведениях эпилепсия преподносится читателю как причина социального неприятия [7–9].

Жорж Санд в «Деревенских повестях» пишет об одном могильщике, который, страдая эпилепсией с аурой, всегда стремится спрятаться, чтобы не огорчать и не пугать своих близких [10]. Подобного персонажа описывает и датский писатель Йоханнес Вильгельм Йенсен – это охотник Линдби, заранее готовящийся к эпилептическому припадку, который происходит с ним, как правило, в одиночестве [11]. Оба литературных героя в конце концов были найдены мертвыми в своих убежищах.

Повторим, что в умах людей начала XIX в. не было четких разграничений между эпилепсией и рядом других заболеваний нервной системы (в т.ч. психических), поэтому в литературе «эпилепсия» часто служила эвфемизмом других болезней – и наоборот. Например, английский поэт Альфред Теннисон в произведении «Принцесса» описывает под диагнозом «каталепсия» вероятные приступы височной эпилепсии – мечтательные состояния с дереализацией, которые служат метафорой сексуальной и моральной амбивалентности (центральной темы поэмы) [12]. Состояния, называемые «трансами», нередко повторялись в творчестве Теннисона. К тому же, по рассказам, он и сам часто впадал в транс, повторяя свое имя. Возможно, что моделью для Теннисона являлись произведения Эдгара По, к которому он испытывал глубочайшее почтение. А По, наоборот, в рассказе «Падение дома Ашеров» поставил своей героине Беренике, которую похоронили заживо, диагноз «эпилепсия» вместо «каталепсии» [5]. Сайласу Марнеру, одному из героев одноименной поэмы Джорджа Элиота, также более подошел бы диагноз «эпилепсия с сумеречными состояниями», чем «каталепсия», – он впадал в бессознательные состояния, сопровождающиеся амнезией [13].

Напомним, что еще в середине XIX в. отношение к эпилепсии как к заболеванию, связанному с безумием и прогрессирующим интеллектуальной и моральной деградацией, было обычным явлением. Более того, подобных взглядов придерживались и такие крупные врачи, как Бенедикт Августин Морель (Франция) или Эрих Нойманн (Германия). Эти идеи были приняты и в английской литературе тех времен – например, в произведениях Модсли и Тернера. Понятия морального вырождения с акцентом на теорию Дарвина, пронизанные французской психиатрией с ее представлениями о наследственной дегенерации и прогрессирующем снижении когнитивных функций,

несколько десятилетий служили основой для описания эпилептической личности в английской литературе не только XIX, но и XX в. Подобным образом изображал своих страдающих эпилепсией персонажей (всегда отрицательных и малосимпатичных) Чарльз Диккенс – например, сводный брат-злодей Оливера Твиста или Гастер в «Мрачном доме». В романе «Дэвид Копперфилд» описан феномен *déjà vu*, что позволяет заподозрить у героя эпилепсию. По всей видимости, являлся эпилептиком еще один персонаж Диккенса – Брэдли Хедстоун [14]. Впрочем, следует признать, что познания Диккенса в отношении эпилепсии значительно уступают таковым у Достоевского и Эванс, хотя он вполне четко проводил грань между обмороком и эпилептическим припадком, а также осознавал риск смерти в результате приступа [15, 16].

Имя Маргиад Эванс являлось псевдонимом Пегги Эйлин Уистлер – поэтессы, писательницы и новеллистки, автора нашумевших в 1930–1940-е гг. романов «Деревянный доктор», «Дерн или камень», «Кредо». Сегодня она неизвестна широкому кругу читателей, тем не менее современные критики сравнивают ее с Джеймсом Джойсом и Томасом Элиотом. К концу жизни (1950 г.) у писательницы развилась эпилепсия, течение которой она описала в книгах «Луч тьмы» и «Соловей замолчал», удивляющих богатством субъективных деталей клинической картины заболевания [17]. Между прочим, ее лечили такие знаменитые неврологи, как Фредерик Голл и Уильям Леннокс, признавшие, кстати, большую важность ее книг – особенно в плане психологическом, поскольку, во-первых, приступы имели психический компонент, а во-вторых, было описано воздействие на организм и на психику ряда лекарственных препаратов. А последний даже включил материал из «Луча тьмы» в свой двухтомный учебник по эпилепсии. Наряду с Федором Михайловичем Достоевским Эванс талантливо включила собственное переживание болезни в свои романы, при этом с творчеством Достоевского она была хорошо знакома и чрезвычайно ценила описания эпилепсии в его произведениях. Сама Эванс считала, что заболевание обострило ее «быстроту ума» и «интуитивное воображение», оказав благоприятное влияние на прозу (в отличие от поэзии). Вероятно, болезнь затронула психику и творческие способности Эванс, поскольку, например, Леннокс, высоко оценивая «Луч тьмы» (он писал, что для врача это произведение может являться, наоборот, «лучом света» в изучении эмоциональных и психологических проблем пациента), вторую книгу считал менее связной, очень трудной для интерпретации, с множеством повторов – и это отчасти объясняет, почему она остается неопубликованной спустя более чем полвека после смерти автора [18–20].

Упоминания об эпилепсии встречаются также и в произведениях таких литераторов XX в., как Дорис Грумбах («Камерная музыка»), Ричард Муир («Маленький человек»), Ирвинг Стоун («Жажда жизни») [21–23]. Подробно и с хорошим знанием предмета описывает ауру у одной из своих героинь американская писательница Эрика Вагнер (у которой и самой в детстве случались судорожные приступы). В романе канадского писателя Тимоти Финдли «Дочь пианиста» болеет эпилепсией главная ге-

роиня [24]. Тяжелой формой эпилепсии страдала Дезире – героиня романа шведской писательницы Майгуль Аксельссон «Апрельская ведьма» (в книге описывается выполняемая ей операция каллезотомии) [25]. У самой писательницы эпилепсией болела сестра. Мучается приступами височной эпилепсии герой повести Тома Джонса «Боксер на отдыхе», а также монахиня-кармелитка в одном из рассказов Марка Зальцмана, у которой небольшая менингиома в области височной доли вызывала экзотические эпилептические приступы [26].

В книге «Человек-компьютер» известный американский писатель Майкл Крайтон описал метод лечения эпилепсии путем прерывания начинающихся припадков электрическими разрядами – метод этот станет реальностью спустя 30 с лишним лет. Правда, в романе результаты были ужасны: стимуляция мозга привела к повышению агрессивности пациента, ставшего убийцей. Любопытно, что Крайтон прозорливо написал о высокой распространенности эпилепсии в популяции и предполагал, что некоторые ее формы являются причиной насильственных действий в обществе, – за что постоянно подвергался критике в средствах массовой информации [27].

Позднее по книге Крайтона был снят фильм. Вообще следует отметить, что тема эпилепсии (в частности, хирургического лечения болезни) довольно широко представлена в кинематографии. Можно вспомнить, например, старый диснеевский мультфильм «Белоснежка» (1937 г.), в котором с одним из гномов, Допи, похоже, случается ночной эпилептический припадок. Решением проблемы хирургического лечения эпилепсии занимается персонаж культового многосерийного фильма 1930-х гг. «Доктор Килдэр». В нем высказано мнение о наследственности эпилепсии и возможности развития безумия вследствие прогрессирования заболевания, в результате чего медицинское общество Нью-Йорка подало на фильм официальную жалобу. Но, между прочим, фильм рассказывал о том, что припадки могут быть легко излечены хирургическим путем. Проблеме эпилепсии посвящена кинокартина «Не навреди» (1997 г.), в которой мать (ее играет Мерил Стрип) открывает для своего сына возможность эффективного использования кетогенной диеты в противовес хирургическому лечению. Неопределенные исходы, связанные с результатом хирургического лечения эпилепсии, отражены в фильме «Другая половина меня» (2001 г.), рассказывающем о женщине, перенесшей гемисферэктомию. Некоторое отношение к проблеме эпилепсии имеет и фильм «Помни» (2000 г.), а также кинокартина «Боевой выбор» (1986 г.), в которой страдающий генерализованными припадками подросток добивается в суде права на хирургическое лечение.

Без сомнения, самым известным писателем в этом плане следует считать Ф.М. Достоевского, неоднократно наделявшего своих героев признаками данного заболевания [28]. А экзотическую ауру, видимо, он первым и описал. Одно время существование такого вида ауры отрицалось (во всяком случае, еще в 1978 г. об этом говорил в своих лекциях Генри Гасто), однако спустя 2 года она была задокументирована при проведении электро-

энцефалографии. Впрочем, многие известные неврологи (например, Брент Фогель) всегда подчеркивали мастерство писателя, с которым он изображал постепенное развитие приступа. Экстатическая аура («аура счастья» эпилептиков) появляется и у персонажей более современных нам литераторов – Клауса Мерца, Тома Джонса (страдавшего, кстати, височной эпилепсией в результате травмы мозга во время занятий боксом) и др.

Близкая связь между сексуальностью и эпилепсией – частая тема в литературе, и сексуальные метафоры нередко сопровождают припадки (вероятно, еще с начала эпохи Просвещения). Георг Кристоф Лихтенберг, например, сравнивает сексуальный акт с эпилептическим приступом (вспомним здесь и античных авторов). Один из героев Томаса Манна приводит фрейдистские интерпретации эпилепсии (эпилептического припадка) как эквивалента оргазма – оргазма мозга. А некоторые писатели описывали припадки, возникшие во время полового акта (Эжен Сю в «Парижских тайнах» и Кен Кизи в повести «Пролетая над гнездом кукушки») или после него (Бригитта Риббе и Энни Прул [29, 30]). Август Стриндберг писал о повышенной сексуальной активности у эпилептиков, а Ф.М. Достоевский и Ханс Шерфиг – о связи эпилепсии и проституции [31, 32].

В ряде произведений эпилептический припадок служит авторам для выражения психологического перелома в сознании героев – например, у Иуды (Роже Кайуа «Понтий Пилат») или у персонажа Жана д'Ормессона («История вечного жид») [33–35]. В романе шведской писательницы Лизы Марклунд «Пожизненный срок» у героини случается первый припадок при ее аресте [36].

Часты и религиозные метафоры эпилепсии. Полагают, что Достоевский задумывал князя Мышкина как олицетворение фигуры Христа, а его припадки должны были символизировать смерть и возрождение. Похожая метафора есть и в произведении Кэндзабуро Оэ «Пылающее зеленое дерево» [37]. В «Приятной компании» колумбийской писательницы Лауры Рестрепо в одной из пригородных трущоб развивается парарелигиозный культ вокруг ангельски красивого юноши, страдающего эпилепсией. В романе Диккенса об Оливере Твисте эпилептические припадки называются Божьей карой за совершенные грехи. Тесно связаны с религией и традициями шаманизма больные эпилепсией в романах Салмана Рушди. Взаимосвязь между религиозностью и клиническими аспектами эпилепсии изучена слабо, хотя известно, что, сталкиваясь с болезнью, люди становятся более религиозными (впрочем, здесь был бы более уместен термин «воцерковленными»). Во всяком случае высокая религиозность является отчетливой поведенческой характеристикой больных эпилепсией (особенно с мезиальной формой эпилепсии со склерозом гиппокампа).

Эпилепсия также может быть метафорой слабости и уязвимости литературных героев – в романах Жоржа Сименона, Сола Беллоу, Агаты Кристи. В рассказе шведской писательницы Линды Бострем Кнауслорд «Гранд Мал» неудержимый приступ смеха у мальчика превращается в тяжелый судорожный припадок, символизируя хрупкость и непостоянство жизни [38, 39].

Одной из первых книг, в которых описывается хирургическая операция у пациента с эпилепсией, является автобиографическая повесть «Путешествие вокруг моего черепа», написанная незадолго до смерти (в 1937 г.) популярным в начале XX в. венгерским журналистом и писателем Фридьешем Каринти. В ней приведены симптомы заболевания и хирургическое вмешательство, выполненное самому автору Хербертом Оливекруной в Стокгольме [40].

Имеется описание эпилептических проявлений и в произведениях Льва Толстого. Например, в романе «Анна Каренина» читаем: «...И вдруг из того таинственного и ужасного, нездешнего мира, в котором он жил эти двадцать два часа, Левин мгновенно почувствовал себя перенесенным в прежний обычный мир, но сияющий теперь таким новым светом счастья, что он не перенес его ... при созерцании этого высшего поднималась душа на такую высоту, которой она никогда и не понимала прежде и куда рассудок уже не поспевал за нею...» – характерное описание эпилептической ауры [41].

ЭПИЛЕПСИЯ КАК ВАЖНАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО / EPILEPSY AS AN IMPORTANT TOPIC IN F.M. DOSTOEVSKY'S WORKS

Бесспорно, никто из писателей не смог приблизиться к тем высотам в описании эпилепсии, каких достиг Ф.М. Достоевский (не в последнюю очередь исходя из личного опыта), и изобразить это заболевание с такой беспрецедентной детализацией.

Изучавший творчество и болезнь Достоевского американский невролог Норман Гешвинд из Гарварда считал, что творческая личность, страдающая височной эпилепсией, должна «...выжать из нее все разумные и эмоциональные составляющие и использовать их в своем творчестве...» – что в общем-то и сделал Федор Михайлович, воспринимавший болезнь как средство выхода за грани привычного. Произведения Достоевского не только повлияли на поколения писателей XX и уже XXI вв., но и продолжают привлекать внимание литературных критиков, а его способность проникать в темные углы человеческой психики до сих пор интересует психиатров, неврологов и психологов. Более того, многие психиатры в своих лекциях и работах опирались и сейчас опираются на романы Достоевского.

Известный русский психиатр Владимир Федорович Чиж, долгое время возглавлявший кафедру психиатрии в Дерптском университете, опубликовал работу «Достоевский как психопатолог», в которой попытался составить полную опись всех случаев психических заболеваний в произведениях писателя и пришел к выводу, что четверть литературных персонажей имеют явные признаки психических заболеваний – в мировой литературе аналогов нет [42]. Об этом же говорил в своих лекциях Владимир Михайлович Бехтерев.

Уже во второй книге Достоевского «Двойник» (1846 г.) признаки эпилепсии встречаются у главного героя – Якова Петровича Голядкина. Классический генерализован-

ный припадок наблюдаем у Мурина в повести «Хозяйка»: «...раздался потом дикий, почти нечеловеческий крик ... Мурин лежал на полу; его корбило в судорогах, лицо его было искажено в муках, и пена показывалась на искривленных губах его». О Катерине, героине той же повести, читаем: «...она медленно поднялась, сделала два шага и с визгом упала перед иконой ... бесвязные слова вырвались из ее груди ... она потеряла сознание...» [28].

Достаточно подробно описан эпилептический припадок у Нелли в «Униженных и оскорбленных»: «...мы услышали пронзительный нечеловеческий крик ... упала с глухим стуком на землю...» Здесь же изображен и послесудорожный период: «...она смотрела на меня обездвиженная и с большим напряжением, как будто пытаясь что-то понять, хотя была очевидна вся тяжесть ее состояния. Наконец будто какая-то мысль прояснила лицо...» Герой повести «Подросток» Аркадий Долгоруков бродит по улицам в состоянии полусна, его разум переполнен странными чувствами (в т.ч. разобщенности). Конечно, нельзя утверждать, что он болен эпилепсией, однако указанные ощущения напоминают височную ауру и состояние *jamais vu* [28].

Состояние, ранее называвшееся *petit mal*, описано Достоевским в романе «Бесы» у Ставрогина. А Кириллов в том же романе страдает эпилепсией с экзотическими аурами и обсессивными идеями самоуничтожения: «Есть секунды, их всего за раз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой ... это не земное, я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести ... это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда ... в эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что стоит» [28, 43].

В последнем романе «Братья Карамазовы» (который многие специалисты считают одним из лучших романов XIX в.) Достоевский также награждает эпилепсией своих персонажей. В первую очередь, это Смердяков, который кроме настоящих эпилептических приступов разыгрывает также и мнимые припадки. Не исключено, что Достоевский был в курсе того, какие выгоды можно извлекать из мнимых припадков, и, вероятно, сам прибегал к ним в некоторых ситуациях, чтобы избежать каких-нибудь эмоциональных сцен с женой или разговоров с кредиторами. Любопытно, что писатель обращался к доктору Благодравову с просьбой оценить верность описания психического заболевания Ивана Карамазова и получил от него самую высокую оценку [28, 44, 45].

Но наиболее обстоятельно и ярко моменты, описывающие состояния больного эпилепсией и с гениальной проникновенностью рисующие глубины эпилептической психики, представлены, конечно, в романе «Идиот» [28]. Мы читаем описание экзотической ауры: «...в эпилептическом состоянии его [князя Льва Николаевича Мышкина] была одна степень почти перед самым припадком, когда вдруг, среди грусти, душевного мрака, давления, мгновениями как бы воспламенялся его мозг, и с необыкновенным порывом напрягались разом все жи-

венные силы его. Ощущение жизни, самосознания почти удесятерилось в эти мгновения, продолжавшиеся как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости и надежды. Но эти мгновения, эти проблески были еще только предчувствием той окончательной секунды, с которой начинался самый припадок. Эта секунда была, конечно, невыносима ... в этот момент, как говорил он однажды ... мне как-то становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет...»

Не менее ярко описан и сам судорожный припадок: «...в это мгновение чрезвычайно искажается лицо, особенно взгляд. Конвульсии и судороги овладевают всем телом и всем лицом. Страшный, невообразимый и ни на что не похожий вопль вырывается из груди ... и никак невозможно, по крайней мере, очень трудно наблюдателю вообразить, что это кричит этот же самый человек. На многих вид человека в падучей производит решительный и невыносимый ужас, имеющий в себе нечто мистическое» [28].

Постприпадочное состояние князя Мышкина Достоевский характеризует следующим образом: «...когда меня везли из России через разные немецкие города, я только молча смотрел и, помню, даже ни о чем не расспрашивал. Это было после ряда сильных и мучительных припадков моей болезни, а я всегда, если болезнь усиливалась и припадки повторялись несколько раз сряду, впадал в полное оцепенение, терял совершенно память, а ум хотя работал, но логическое течение мысли как бы обрывалось. Больше двух или трех идей последовательно я не мог связать сразу. Так мне кажется. Когда же припадки утихали, я опять становился и здоров, и силен, вот как теперь. Помню: грусть во мне была нестерпимая; мне даже хотелось плакать; я все удивлялся и беспокоился: ужасно на меня подействовало...» [28]. Впрочем, подробное и гениальное описание эпилептических припадков князя Мышкина неудивительно – они весьма напоминают таковые у самого Достоевского. Литературовед Константин Васильевич Мочульский назвал князя Мышкина «художественным автопортретом Достоевского, духовной биографией писателя».

Некоторые исследователи (далеко не все) считают, что князь Мышкин (а значит, и сам Достоевский, описывавший свое заболевание) являл собой пример классической «эпилептогенной личности» – синдром Гешвинда–Ваксмана (Geschwind–Waxman), описанный в 1975 г. у больных именно височной эпилепсией [46, 47].

Целый ряд талантливых психиатров, в число которых входили также Владимир Михайлович Бехтерев и Николай Николаевич Баженов, выступали с анализом произведений писателя [48]. Они считали, что Достоевский познакомил широкую аудиторию с душевными болезнями и сделал их понятными для них. В любом случае произведения Достоевского позволяют приблизиться к пониманию внутреннего мира эпилептика и психологических особенностей его характера. Добавим, что, изображая в своих произведениях персонажей, страдаю-

щих эпилепсией, Достоевский не только внес огромный вклад в осведомленность общества относительно этой болезни, но и обеспечил более сострадательное и сочувственное отношение к самим пациентам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Литературные образы, созданные в разные века и эпохи авторами, непосредственно страдавшими эпилепсией (Ф.М. Достоевский, Эдгар По, Уилки Коллинз и др.), оказывались настолько яркими и красочными, что персонажи их романов со временем переключивались в официальную медицину, находя отображение в виде, например, таких симптомов, как изменения личности по эпилептическому типу, или их симптомокомплекса, который надолго закрепился под понятием «эпилептоид». Таким образом, многие, кто писал о собственных болезненных переживаниях, связанных с эпилепсией, оставили свой вклад не только в литературе, но и в медицине. А медицинские мотивы этих авторов тесно переплетаются с социально-историческими событиями и негативным отношением к эпилепсии в различные эпохи, недостаточно развитой медициной того времени и невозможностью получить адекватную помощь при припадках, а также темой взаимосвязи психофизического состояния мастеров с их творческой идеологией [49].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шекспир В. Трагедии (перевод Б. Пастернака). М.: Рипол; 1993: 928 с.
2. Bates A., Lamberton J.P., Boyd J.P. The drama: its history, literature, and influence on civilization. London: Historical Publ.; 1906.
3. Paciaroni M., Bogousslavsky J. William Shakespeare's neurology. In: Finger S., Boller F., Stiles A. (Eds.) Literature, neurology, and neuroscience: neurological and psychiatric disorders. Oxford/New York: Elsevier; 2013.
4. Дюма А. Граф Монте-Кристо. Т. 1. М.: Правда; 1990.
5. По Э.А. Полное собрание рассказов в одном томе. М.: Эксмо; 2017: 864 с.
6. Коллинз У. Собрание сочинений в 5 томах. М.: Эпоха; 1992: 2414 с.
7. Wolf P. Epilepsy in literature. *Epilepsia*. 1995; 36 (Suppl. 1): S12–7.
8. Wolf P. Descriptions of clinical semiology of seizures in literature. *Epileptic Disord*. 2006; 8 (1): 3–10.
9. Wolf P. The epileptic aura in literature: aesthetic and philosophical dimensions. An essay. *Epilepsia*. 2013; 54 (3): 415–24. <https://doi.org/10.1111/epi.12051>.
10. Санд Ж. Собрание сочинений в 10 тт. Л.: Художественная литература; 1974.
11. Йенсен Й.В. Избранное. Л.: Художественная литература; 1989.
12. Теннисон А. Королевские идиоллы. М.: Вита-Нова; 2020.
13. Элиот Д. Сайлас Марнер. М.: Т8; 2019: 306 с.
14. Диккенс Ч. Собрание сочинений в 30 тт. М.: Художественная литература; 1957–1963.
15. Ackroyd P. Dickens, public life and private passion. London: Bbc Book; 2002: 160 pp.
16. Cosnett J.E. Charles Dickens and epilepsy. *Epilepsia*. 1994; 35 (4): 903–5. <https://doi.org/10.1111/j.1528-1157.1994.tb02530.x>.
17. Wolf P. Margiad Evans (1909–1958): a writer's epileptic experiences and their reflections in her work. *Epilepsy Behav*. 2019; 102: 106677. <https://doi.org/10.1016/j.yebeh.2019.106677>.
18. Larner A.J. "Neurological literature": epilepsy. *Adv Clin Neurosci Rehabil*. 2007; 7 (3): 16.
19. Larner A.J. "A ray of darkness": Margiad Evans's account of her epilepsy (1952). *Clin Med (Lond)*. 2009; 9 (2): 193–4. <https://doi.org/10.7861/clinmedicine.9-2-193>.
20. Jones J.M. "The falling sickness" in literature. *South Med. J*. 2000; 93 (12): 1169–72.
21. Grumbach D. Chamber music. Pushcart Press; 2008: 213 pp.
22. Muir R. The miniature man. Pushcart Press; 2005: 320 pp.
23. Стоун И. Жажда жизни: повесть о Винсенте Ван Гог. М.: Северо-Запад; 1993: 509 с.
24. Findley T. The piano man's daughter. Harper Perennial; 2002: 512 pp.
25. Axelsson A. April witch: a novel. Random House Trade Paperbacks; 2003: 432 pp.
26. Salzman M. True notebooks: a writer's year at Juvenile Hall. Vintage; 2004: 352 pp.
27. Crichton M. The terminal man. Vintage; 2014: 272 pp.
28. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 тт. Л.: Наука; 1989–1996.
29. Sue E. Mysteries of Paris. Book Jungle; 2009: 420 pp.
30. Kesey K. One flew over the cuckoo's nest. Berkley; 1963: 272 pp.
31. Стриндберг Ю.А. Собрание сочинений в 5 тт. М.: Книговек; 2010.
32. Шерфиг Х. Повести. М.: Художественная литература; 1979.
33. Caillois R. Pontius Pilate (studies in religion and culture). University of Virginia Press; 2006: 144 pp.
34. d'Ormesson J. Histoire du juif errant. Folio; 1993: 621 pp. (in French).
35. Ozer I.J. Images of epilepsy in literature. *Epilepsia*. 1991; 32 (6): 798–809. <https://doi.org/10.1111/j.1528-1157.1991.tb05536.x>.
36. Marklund L. Lifetime. Emily Bestler Books; 2013: 384 pp.
37. Yoshida S. The Burning Tree: the spatialized world of Kenzaburo Ōe. *World Literature Today*. 1995; 69 (1): 10–16. <https://doi.org/10.2307/40150850>.
38. Knausgård L.B. Grand Mal. Modernista; 2011: 105 pp. (in Swedish).
39. Temkin O. The falling sickness. Baltimore: John Hopkins Press; 1971.
40. Karinthy F. A journey round my skull. NYRB Classics; 2008: 312 pp.
41. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Эксмо; 2021: 800 с.
42. Чиж В.Ф. Достоевский как психопатолог. Петербург: М. Катков; 1885: 123 с.
43. Розенталь Т.К. Страдание и творчество Достоевского. Вопросы изучения и воспитания личности. Вып. 1. Петроград; 1920.
44. DeToledo J.C. The epilepsy of Fyodor Dostoyevsky: insights from Smerdyakov Karamazov's use of a malingering seizure as an

- alibi. *Arch Neurol*. 2001; 58 (8): 1305–6. <https://doi.org/10.1001/archneur.58.8.1305>.
45. Iniesta I. Medical classics: the brothers Karamazov. *Br Med J*. 2009; 338: b1999. <https://doi.org/10.1136/bmj.b1999>.
 46. Siegel A.M., Dorn T. Dostoevsky's life in the interrelation between epilepsy and literature. *Nervenarzt*. 2001; 72 (6): 466–74 (in German). <https://doi.org/10.1007/s001150050782>.
 47. Voskuil P.H. Epilepsy in Dostoevsky's novels. *Front Neurol Neurosci*. 2013; 31: 195–214. <https://doi.org/10.1159/000343236>.
 48. Iniesta I. Disease in Dostoevsky's literature. In: Doctoral Thesis. Universidad Complutense de Madrid. Madrid; 2004 (in Spanish).
 49. Дворецкий Л.И. Недуги великих. 3-е изд. М.: Умный доктор; 2023: 528 с.
 24. Findley T. The piano man's daughter. Harper Perennial; 2002: 512 pp.
 25. Axelsson A. April witch: a novel. Random House Trade Paperbacks; 2003: 432 pp.
 26. Salzman M. True notebooks: a writer's year at Juvenile Hall. Vintage; 2004: 352 pp.
 27. Crichton M. The terminal man. Vintage; 2014: 272 pp.
 28. Dostoevsky F.M. Collected works in 15 volumes. Leningrad: Nauka; 1989–1996 (in Russ.).
 29. Sue E. Mysteries of Paris. Book Jungle; 2009: 420 pp.
 30. Kesey K. One flew over the cuckoo's nest. Berkley; 1963: 272 pp.
 31. Strindberg Yu.A. Collected works in 5 volumes. Moscow: Knigovok; 2010 (in Russ.).
 32. Scherfig H. Stories. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1979.
 33. Cailliois R. Pontius Pilate (studies in religion and culture). University of Virginia Press; 2006: 144 pp.
 34. d'Ormesson J. Histoire du juif errant. Folio; 1993: 621 pp. (in French).
 35. Ozer I.J. Images of epilepsy in literature. *Epilepsia*. 1991; 32 (6): 798–809. <https://doi.org/10.1111/j.1528-1157.1991.tb05536.x>.
 36. Marklund L. Lifetime. Emily Bestler Books; 2013: 384 pp.
 37. Yoshida S. The Burning Tree: the spatialized world of Kenzaburō Ōe. *World Literature Today*. 1995; 69 (1): 10–16. <https://doi.org/10.2307/40150850>.
 38. Knausgård L.B. Grand Mal. Modernista; 2011: 105 pp. (in Swedish).
 39. Temkin O. The falling sickness. Baltimore: John Hopkins Press; 1971.
 40. Karinthy F. A journey round my skull. NYRB Classics; 2008: 312 pp.
 41. Tolstoy L.N. Anna Karenina. Moscow: Eksmo; 2021: 800 pp. (in Russ.).
 42. Chizh V.F. Dostoevsky as a psychopathologist. Petersburg: M. Katkov; 1885: 123 pp. (in Russ.).
 43. Rosenthal T.K. Dostoevsky's suffering and creativity. Issues of Studying and Educating the Personality. Issue 1. Petrograd; 1920 (in Russ.).
 44. DeToledo J.C. The epilepsy of Fyodor Dostoyevsky: insights from Smerdyakov Karamazov's use of a malingered seizure as an alibi. *Arch Neurol*. 2001; 58 (8): 1305–6. <https://doi.org/10.1001/archneur.58.8.1305>.
 45. Iniesta I. Medical classics: the brothers Karamazov. *Br Med J*. 2009; 338: b1999. <https://doi.org/10.1136/bmj.b1999>.
 46. Siegel A.M., Dorn T. Dostoevsky's life in the interrelation between epilepsy and literature. *Nervenarzt*. 2001; 72 (6): 466–74 (in German). <https://doi.org/10.1007/s001150050782>.
 47. Voskuil P.H. Epilepsy in Dostoevsky's novels. *Front Neurol Neurosci*. 2013; 31: 195–214. <https://doi.org/10.1159/000343236>.
 48. Iniesta I. Disease in Dostoevsky's literature. In: Doctoral Thesis. Universidad Complutense de Madrid. Madrid; 2004 (in Spanish).
 49. Dvoretzky L.I. The ills of the great. 3rd ed. Moscow: Umnyy doctor; 2023: 528 pp. (in Russ.).

REFERENCES:

Сведения об авторах

Улитин Алексей Юрьевич – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой нейрохирургии с курсом нейрофизиологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова» Минздрава России, профессор кафедры нейрохирургии им. профессора А.Л. Поленова ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова» Минздрава России (Санкт-Петербург, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8343-4917>; РИНЦ SPIN-код: 7709-9500.

Василенко Анна Владимировна – завуч, доцент кафедры нейрохирургии с курсом нейрофизиологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова» Минздрава России, доцент кафедры неврологии им. академика С.Н. Давиденкова ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова» Минздрава России (Санкт-Петербург, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0190-3335>; Scopus Author ID: 35773656400; РИНЦ SPIN-код: 2730-3920. E-mail: vasilenko_anna@list.ru.

Иваненко Андрей Валентинович – д.м.н., доцент кафедры нейрохирургии с курсом нейрофизиологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова» Минздрава России (Санкт-Петербург, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9712-4661>; Scopus Author ID: 26767826800; РИНЦ SPIN-код: 7882-9983.

Колосов Сергей Сергеевич – ординатор кафедры нейрохирургии с курсом нейрофизиологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова» Минздрава России (Санкт-Петербург, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1382-4143>.

Соколов Иван Александрович – врач-нейрохирург, аспирант кафедры нейрохирургии с курсом нейрофизиологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова» Минздрава России (Санкт-Петербург, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4081-9809>; РИНЦ SPIN-код: 2451-1272.

Туранов Семен Александрович – ординатор кафедры нейрохирургии с курсом нейрофизиологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова» Минздрава России (Санкт-Петербург, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3464-9265>.

Улитин Георгий Алексеевич – студент 4-го курса ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова» Минобороны России (Санкт-Петербург, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0580-6543>.

Виноградова Арина Александровна – студентка 4-го курса ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4259-6001>.

About the authors

Alexey Yu. Ulitin – Dr. Med. Sc., Professor, Chief of Chair of Neurosurgery with a Course in Neurophysiology, Almazov National Medical Research Center; Professor, Polenov Chair of Neurosurgery, Mechnikov North-Western State Medical University (Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8343-4917>; RSCI SPIN-code: 7709-9500.

Anna V. Vasilenko – Head Tutor, Associate Professor, Chair of Neurosurgery with a Course in Neurophysiology, Almazov National Medical Research Center; Associate Professor, Davidenkov Chair of Neurology, Mechnikov North-Western State Medical University (Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0190-3335>; Scopus Author ID: 35773656400; RSCI SPIN-code: 2730-3920. E-mail: vasilenko_anna@list.ru.

Andrey V. Ivanenko – Dr. Med. Sc., Associate Professor, Chair of Neurosurgery with a Course in Neurophysiology, Almazov National Medical Research Center (Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9712-4661>; Scopus Author ID: 26767826800; RSCI SPIN-code: 7882-9983.

Sergey S. Kolosov – Resident Physician, Chair of Neurosurgery with a Course in Neurophysiology, Almazov National Medical Research Center (Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1382-4143>.

Ivan A. Sokolov – Neurosurgeon, Postgraduate, Chair of Neurosurgery with a Course in Neurophysiology, Almazov National Medical Research Center (Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4081-9809>; RSCI SPIN-code: 2451-1272.

Semen A. Turanov – Resident Physician, Chair of Neurosurgery with a Course in Neurophysiology, Almazov National Medical Research Center (Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3464-9265>.

Georgiy A. Ulitin – 4th-year Student, Kirov Military Medical Academy (Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0580-6543>.

Arina A. Vinogradova – 4th-year Student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4259-6001>.